

А. А. МАЛИНОВСКИЙ и И. И. ПУЗАНОВ
(из воспоминаний)

Дьяков В. А.

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
Шампанский пер., 2, г. Одесса, 65058, Украина

*И каждый из них оказался виновник
Моих откровений, восторгов и мук...*

Н. А. Заболоцкий

Мои учителя — Иван Иванович Пузанов и Александр Александрович Малиновский. “Иных! уж нет...”. Ивана Ивановича — нет, Александра Александровича — нет, но я уже давно заметил: если у кого-либо в отчестве повторяется его имя, то его носитель оказывается интересным, с большим душевным зарядом человеком (профессора Леонид Леонидович Васильев в Ленин-граде, Николай Николаевич Воронцов и Николай Николаевич Дроздов в Москве). Ничего не говоря о вкладе в науку как проф. Пузанова, так и проф. Малиновского, отмечу только их личностный заряд. Он был настолько велик, что некоторые — я в том числе — во многом обязаны и Пузанову, и Малиновскому формированием своего ума и характера.

Так они у меня и запечатлелись — ведь один дополнял другого, оба они были светочами моего студенческого времени. Поэтому и в данных записях память их высвечивает вместе — воспоминания об одном сейчас же вызывают воспоминания о другом. Как же в действительности были связаны эти два человека? Александр Александрович сам так говорил о знакомстве с проф. Пузановым: “Я знал Ивана Ивановича с 1952 г. и до своего отъезда из Одессы в 1965 г. Врач Института тканевой терапии Юнона Дмитриевна Бабанина постаралась нас познакомить, чтобы резко отрицательные высказывания Пузанова о Лысенко не попали в уши тем, кто может и использовать их против говорившего. С тех пор мы высказывались против Лысенко один перед Н другим”, — цитирую по тексту доклада А. А. Малиновского, записанного мною во время его выступления на торжественном заседании Московского общества испытателей природы (март 1985 г.), посвященном 100-летию со дня рождения И. И. Пузанова. Затем я расшифровал запись, переписал ее. Александр Александрович проверил этот текст, сделал свои замечания, отредактировав его таким образом. Вот теперь я его и публикую: представился подходящий повод — правда, мы отмечаем уже не 100-летие, а 120-летие со дня рождения Ивана Ивановича.

Александр Александрович Малиновский говорил: “Сам Иван Иванович произвел на меня сильное впечатление своим характером и обликом, о чем я и буду дальше говорить, поскольку я не смогу говорить о его зоологических работах, не будучи специалистом в этой области.

Из ранней биографии профессора Пузанова я могу несколько остановиться на его происхождении, потому что генеалогические вопросы интересуют меня как генетика. Иван Иванович происходил из очень культурной купеческой семьи. Можно сказать, что он служит одним из проявлений сформулированного Н. И. Вавиловым закона гомологических рядов в наследственной изменчивости, если применить этот закон к человеческой популяции. В том же генетическом гнезде, из которого вышел И. И. Пузанов, — в Курской губернии и в этом роду — встречаются еще замечательные и знаменитые люди. Так, Иван Иванович был двоюродным братом известных потом ученых — геоботаника В. В. Алехина и гистолога А. В. Румянцева: матери Ивана Ивановича, Василия Васильевича и Алексея Всеволодовича были сестрами, урожденными Алехиными.

Могу также сказать, что он в значительной степени был не только зоологом, но и антропологом, писал как очень серьезные, так и шуточные стихотворения и поэмы. Кроме поэмы “Астронавт”, где описываются злободневные для биологии 50-х годов вопросы, а также проясняется отношение к ним различных известных биологов, помню два других больших стихотворения (или поэмы). Одно было посвящено вероятным последствиям создания и применения | атомной бомбы: гибели Земли, которую наблюдают марсиане; другое касалось трогательных похорон мыла, которое было сделано из тел убитых фашистами евреев. Полностью я оценил | его литературный талант, когда он подарил мне свою книгу “Вокруг Азии”. Я, как правило, не люблю произведений этого жанра — записки и воспоминания. Но из вежливости к автору вечером открыл его произведение — и не закрыл и его и глаза до самого утра, пока не прочел последнюю страницу. Так захватили меня впечатления, полученные во время путешествия и переданные специалистом-зоологом.

Другое, что поражало меня — это моральный облик профессора Пузанова. В Одессе — основной базе акад. Т. Д. Лысенко — Иван Иванович в Университете стоял, как скала, совершенно не признавая достоинств школы так называемого “творческого дарвинизма”. Такое поведение тем более замечательно, что, помимо требовавшейся для этого смелости, он в своих антилысенковских настроениях исходил из определенных научных предпосылок. А заключались они в одинаковом с лысенковцами отношении к проблеме наследования приобретенных признаков. Иван Иванович, как и крупнейший ученый Л. А. Орбели, сказал мне такую фразу: “Я, конечно, понимаю, что Т. Д. Лысенко в научном отношении не прав, а генетики развивают настоящую науку. Но я думаю, что со временем все же будет научными методами доказано наследование приобретенных признаков”. Но он никогда не использовал это свое мнение для собственной выгоды, что не трудно было сделать и этим очень облегчить себе жизнь.

Еще один факт — некий университетский профессор, поддерживающий акад. Лысенко, был к тому же научно малограмотен. И. И. Пузанов его, конечно, не любил. Когда этот профессор временно занял пост ректора, то Иван Иванович сказал мне — и это было сказано с удивительной объективностью, — что, как ректор, этот профессор оказался едва ли не лучшим.

Уверен, что эти моральные качества Ивана Ивановича (при всей значительности его как ученого) сыграли большую роль в формировании морального облика ряда его учеников. Я думаю, что железная непоколебимость в отстаивании научных истин и удивительная объективность профессора И. И. Пузанова в отношении к самым неприятным для него людям имеет едва ли не большее значение, чем научные его заслуги. Это очень напоминает мне другого замечательного ученого — Н. К. Кольцова, негибамость которого несомненно оказала влияние на таких его учеников и сотрудников, как Б. Л. Астауров, В. В. Сахаров, И. А. Раппопорт, в моральном облике которых проявляется и проявлялась такая же черта”.

На этом оканчивается речь, произнесенная профессором Малиновским в связи со 100-летием со дня рождения профессора Пузанова. В процессе дальнейшего изложения не хотелось бы впасть в комментирование приведенной рукописи — тем более, что генетический, литературный, педагогический и др. аспекты деятельности Ивана Ивановича более подробно, чем возможно здесь, уже рассмотрены или только подвергнутся исследованию детально и в соответствующих источниках. Здесь же позволю себе остановиться на некоторых чертах, сближающих характеры двух ученых.

Был в Одесском университете зав. кафедрой физгеографии, сотрудник и поклонник профессора Пузанова Федор Евстафиевич Петрунь. Он был настолько всезнающим, что о нем даже бытовала поговорка: “Куда ни плюнь — все знает Петрунь”. Так вот он, видя Ивана Ивановича идущим куда-либо вдвоем со мною или одним моим однокурсником, говорил своим громоподобным голосом, эмоциональностью тона всегда подчеркивая важность произносимого: “Это, Иван Иванович, ваш оптимальный пессимум?” (или “пессимальный оптимум”, смотря по обстановке, потому что с профессором Пузановым чаще всего ходили на экскурсии многочисленных группы студентов). В какую-то часть Одесского периода жизни профессора Малиновского я тоже был возле него подобным “оптимальным пессимумом” или “пессимальным оптимумом” (кому как больше нравится в связи и с оптимистическим или пессимистическим настроением). Его необходимо было везде и всюду сопровождать — совместные походы совершались потому, что Александр Александрович, непрерывно думая о чем-либо, все время говорил на эту тему. Такие разговоры нужно было поддерживать, нужно было, чтобы кто-нибудь являлся его микросредой. Я отчасти взял на себя такую роль, ужасно гордился этим и до сих пор испытываю не только глубокое удовлетворение, но и обычное удовольствие от общения с мыслью, ее рождением и формированием.

Иван Иванович также всегда, особенно во время экскурсий, находился в состоянии говорения. Он для участников экскурсии рассказывал (а иногда даже задиктовывал) различные детали, характеризующие встреченные зоологические объекты. Причем объекты могли быть не только зоологические — все равно любые сообщаемые нам сведения так или иначе вращались вокруг естественной истории. Делом, которым Иван Иванович занимался на экскурсиях, были наблюдения в природе и разговоры об этом с экскурсантами. Кроме того, обсуждались книги и статьи. Иван Иванович иногда “на слух” и “на публике” определял для себя, как материал его будущих произведений и др. работ, изложение материала воспринимаются слушателями. Отсюда ли данный материал, как он выражен: достаточно ли уместно, достаточно ли понятно, связно ли? Представьте радость и гордость экскурсантов, когда они находили в книгах и статьях профессора мысли, которыми он с ними делился до выхода соответствующей работы.

В своем выступлении на мемориальном заседании секции зоологии Московского общества испытателей природы профессор Малиновский говорил, что профессор Пузанов “служит одним из проявлений сформулированного Н. И. Вавиловым закона гомологических рядов наследственной изменчивости, если применить этот закон к человеческой популяции”. Здесь заключается интересное, актуальное и очень своевременное предложение. Во-первых, потому что оно касается “нашего” профессора (который, к слову, неоднократно пускался в родственные странствия, выясняя свои корни — не глубже отца, окружения родственников и свойственников). Во-вторых, достаточно интенсивное обсуждение этого закона происходит сейчас в специальной генетической литературе. В-третьих, рассмотрено проявление вавиловского закона на пушных промысловых зверях (зоологические и охотоведческие исследования проф. Кузина) и на популяциях пород собак (теоретико-биологические и генетические исследования проф. Медникова). Эти популяции и генетически и эволюционно далеко отстоят от популяции растений, на которых закон был сформулирован. Потому, мне представляется, следует спешить с применением закона Н. И. Вавилова к человеческой популяции. Образ профессора Пузанова может явиться источником и примером для подобных работ.

Можно привести еще примеры. Известно, что Первая гимназия в Киеве явилась тем гнездом, в котором были выпестованы К. Г. Паустовский, Ю. К. Смолич, М. Ф. Рыльский. Несколько раньше ту же гимназию окончил М. А. Булгаков. Все они стали известными и даже, хотя и в разной степени знаменитыми, писателями. Правда, здесь нет генетического единства, потому этот пример из другой области — области социального наследования и социального отбора. Но если примеры с проявлением социального и генетического единства будут найдены, то они явятся достойной иллюстрацией к вавилонскому закону гомологических рядов наследственной изменчивости, — как этот закон проявляется в человеческой популяции. Так что с генетической стороны приведенный пример не совсем корректен, зато он удачен в антропологическом отношении.

Таким образом, мне, кажется, удалось избежать нежелательного комментаторства и в своих коротких воспоминаниях соотнести хотя бы одну черту, свойственную обоим профессорам.